

1983 г. в Ленинграде П. Н. Шульц скончался. Дело им начатое продолжают его ученики и последователи.

Примечания

¹ Архив Крымского филиала ИА НАН Украины. Опись «Л». Дело № 1.— Л. 11—13.

² Шульц П. Н., Головкина В. А. Неаполь скифский // По следам древних культур.— М., 1951.— С. 150.

³ Шульц П. Н. Евпаторийский район, 1933—1934 // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936.— М.— Л., 1941.— С. 270.

⁴ Шульц П. Н. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма // Тезисы доклада на сессии по истории Крыма.— 1952.— С. 9.

⁵ Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии.— М., 1971.— С. 132.

⁶ Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма.— К., 1957.— С. 63.

⁷ Там же.— С. 62.

⁸ Шульц П. Н. Позднескифская культура...— С. 137.

Одержано 9.03.94

ПИСЬМА Д. Я. САМОКВАСОВА А. А. БОБРИНСКОМУ ОБ АРХЕОЛОГИИ

Л. И. Шохин

В фонде графов Бобринских в Российском государственном архиве древних актов хранятся небезынтересные письма Д. Я. Самоквасова Алексею Александровичу Бобринскому (1852—1927), председателю Археологической комиссии, вице-президенту Академии художеств. Эти шесть писем, обнаруженные сотрудником РГАДА, кандидатом исторических наук В. Г. Бухертом, и подготовленные к печати также сотрудником РГАДА, кандидатом исторических наук Л. И. Шохиним, имеют отношение не только к биографии двух крупных археологов — Д. Я. Самоквасова и А. А. Бобринского, — но и к истории археологии на Украине, к проблемам археологии как науки в конце XIX в.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) после защиты диссертации «Древние города России» (изданной в виде книги в Петербурге в 1873 г.) стал профессором истории русского права в Варшавском университете, продолжал постоянно заниматься археологическими раскопками и изучать собранные материалы, как источник познания общественного устройства Древней Руси. В 1891 г. он подарил свою археологическую коллекцию Московскому историческому музею (отказавшись продать ее за большие деньги Британскому музею), был назначен сверхштатным членом Археологической комиссии, с 1892 г. — управляющий Московского архива Мини-

* Самоквасов Д. Я. Значение курганов как исторических источников.— СПб., 1878.— 31 с. (Оттиск из «Трудов» III Археологического съезда в Киеве, 1878.— Т. 1); Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов (Приложение к 7-му циркуляру по Виленскому учебному округу за 1878 г.)— Вильна, 1878.— 9 с.; Самоквасов Д. Я. Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привислянского края // Варшавские губернские ведомости.— Варшава, 1880.— № 22.— 17 с.; Самоквасов Д. Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии (Из протоколов Антропологической выставки 1879 г.) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.— М., 1880.— Т. 35.— С. 338—350 и др.

стерства юстиции. С переездом в Москву начался новый период его биографии, более связанный с архивным делом, нежели с археологией. В настоящее время последние Д. Я. Самоквасова вновь привлекают к себе внимание, вводятся в научный оборот неизвестные ранее материалы о его жизни и деятельности.

№ 1

3-е июня 1886 г.

М[естечко] Седнев Черн[иговского] уезда

Глубокоуважаемый Граф Алексей Александрович

Душевно благодарю Вас за предложение союза в трудах Им[ператорской] Археологической Комиссии, направленных к изысканию, изданию и научной обработке древностей нашего отечества. Ваше намерение расширить задачу Комиссии, по моему убеждению, вполне соответствует научным требованиям нашего времени. Действительно, цель Комиссии, — изыскание образцов классического искусства в курганах южной России, — давно устарела, была поставлена в то время, когда только что рождавшаяся археология имела космополитический характер. С того времени образцов классического искусства накопано в избытке, а научная их разработка сделалась задачей всего цивилизованного мира. Но археологические учреждения наших цивилизованных соседей, рядом с разработкою памятников классической культуры, выдвигали на первый план изучение местных, национальных древностей; у нас же до последнего времени все внимание академических историков-археологов было посвящено почти исключительно древностям восточным, классическим, германским, даже литовским и финским, а славянорусские оставались в полном пренебрежении. Результатом этого направления была затрата больших сил и капиталов на изыскание греческих могил в южной России, а содержание могил наших предков в центральных губерниях до последнего десятилетия оставалось совершенно неизвестным. А между тем древнейшая история нашей культуры хранится не в греческих могилах южной России, а в языческих могилах центральных губерний. Правда, могильное содержание здесь не так богато и красиво, как содержание могил Эллинов в южной России, но зато оно дает нам возможность реставрировать древнейшую историю нашей национальности, долженствующей служить первою священною задачею русских археологов и русских археологических учреждений. Давно пора рядом с разработкою памятников классического искусства поставить вопрос о влиянии греко-римской культуры на культуру наших предков. Но решение этого вопроса возможно только посредством изыскания и изучения предметов греко-римского искусства в могильной обстановке Скифов, Славян и Руссов, погребенных в центральных областях России. Для славянорусской археологии находка в содержании варварской могилы на берегах Днепра, Роси, Сулы, Десны и пр. обломка греческого терракотового сосуда или железной римской шпоры более важна, нежели находка обыкновенной формы золотого венка в могильной обстановке Грека под Пантикалаею или Фанагорией. Первая определяет собою время могилы и служит фактом, указывающим на сношения наших предков с классическим миром, а вторая имеет только ценность золота. В нашей исторической литературе со времени Шлецера¹ царит учение, по которому славянорусский мир стоял вне всяких сношений с цивилизованным югом Европы до времени походов в Грецию киевских князей X века. А между тем мне известны уже 27 кладов серебряных монет римских императоров II и III столетий, открытых за последнее десятилетие на бережьях Вислы, Буга, Немана, Припяти, Днепра, Десны, Оки и Волги; в Днепровских порогах был найден клад золотых византийских монет VI века; в Киеве недавно открыт клад, состоящий из серебряных монет сыновей Константина Великого и Антиохии Пизидской; в языческих могилах Александровского уезда, раскопанных мною по поручению Археологической комиссии, было найдено много серебряных и золотых предметов, украшенных камнями и стеклом, несомненно византийского происхождения, относящихся к VI—VIII столетиям; в курганах Киевской, Полтавской, Черниговской и Вольнской губерний много раз уже были встречены терракотовые, бронзовые, серебряные и золотые предметы древнего греко-римского и позднейшего византийского происхождения; в Черниговских курганах с кострищами были открыты золотые византийские монеты IX и X столетий; и т. д. Эти факты не собраны, не опубликованы и не разработаны научно, а потому в высшей степени важный факт давних и непрерывных сношений обитателей центральной России с

* Щавелев С. П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. — М., 1991. — С. 25—50; Щавелев С. П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (Анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // СА. — 1992. — № 1. — С. 255—264; Самоквасов Д. Я. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова) // РА. — М., 1993. — С. 211—235 и др.

южным цивилизованным миром Европы остается неизвестным исторической литературе, начинающей славянорусскую историю событием призвания Норманнов Новгородцами и походом Олега против Греков. С другой стороны, располагая сравнительно ничтожными средствами, я однако же пятнадцатилетними раскопками убедился, что в могилках и городищах центральной России хранятся богатые средства познания истории быта наших предков; но эти средства уменьшаются с каждым годом, так как курганы и городища во множестве распахиваются и раскопываются без пользы для науки. Священная задача русских археологов и русских археологических учреждений нашего времени состоит в том, чтобы поспешить систематическим изучением подземных памятников нашей истории и принять меры к их сохранению. Единичные усилия и частные средства, при всей энергии труда, недостаточны ни для раскопок в требуемых делом размерах, ни для издания выкопанных материалов. Вот почему мне кажется, что Вы сделали бы великое дело, исходатайствовав у Государя¹ разрешение расширить задачу Императорской Археологической Комиссии и назначить одного из ее членов специально для систематических раскопок в пределах скифо-славяно-русского мира, возложив на него и обязанность издания дневника раскопок и выкопанных материалов. Тогда Комиссия получила бы значение центра, объединяющего и направляющего разрозненные труды русских археологов и археологических обществ; теперешняя же задача Комиссии, так сказать, исключительно художественно-классическая, ставит ее в совершенно изолированное положение по отношению к потребностям русской истории и русской археологии. Правда, Комиссия просит о высылке ей для осмотра и покупки древностей, найденных на всем пространстве России, но из высланных находок приобретает почти исключительно предметы серебряные и золотые; предметы же неблагородного содержания, каменные, глиняные, костяные, железные, медные, а особенно грубой, местной работы, сваливаются в кучи на чердаках, как ненужный хлам, без всякого описания, или высылаются обратно находчикам и уничтожаются ими, хотя бы некоторые из таких грубых предметов для русского историка были ценнее золота и классического искусства. Душевно радуюсь, что во главе Комиссии стал наконец русский археолог, сразу понявший односторонность ее деятельности и желающий включить в круг ее ведения и отечественную археологию.

Извините великодушно за несколько запоздалый и может быть слишком пространный ответ на Ваше письмо по предмету, которому я посвятил лучшие годы моей жизни. Из слов князя В. И. Друцкого-Любецкого², из писем глубокоуважаемого В. Г. Тизенгаузена³ и из содержания Вашего письма видно, что с Вашим назначением Директором Эрмитажа начинается новая заря для русской археологии, а потому я считал своим долгом ответить на Ваше письмо откровенно и пространно. Запоздал же ответ мой потому, что письмо Ваше, адресованное в Варшаву, получено мною только на днях уже в Малороссии, где я произвожу дополнительные раскопки в окрестностях Местечка Седнева, в Черниговском уезде. Недели через три предполагаю совершить поездку на юг, для осмотра некоторых пунктов на побережьях Днепра, Буга и Черного моря с целью дополнить имеющиеся у меня материалы по вопросу об отличительных признаках могил греческих, скифских, славянорусских, славянопольских, литовских и татарских, сохранившихся в пределах России. По этому вопросу готовлю реферат для Ярославского съезда археологов⁴. В числе пунктов, намеченных мною для осмотра, значится и Местечко Смела Черкасского уезда, об интересных раскопках под которым было прочитано Ваше сообщение в заседании Московского Археологического Общества⁵. Очень обяжете меня, если благоволите сообщить до 25-го июля, к кому можно обратиться в Местечке Смеле за потребными сведениями о местоположении курганов, находках древностей и пр.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов.

Адрес мой: Черниговский уезд; Местечко Седнев; квартира Ханенко; Проф. Д. Я. Самоквасову].

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 1—4 об. Подлинник.

№ 2

Варшава, 4-е сентября 1886 г.

Глубокоуважаемый Граф Алексей Александрович

На днях я возвратился в Варшаву и спешу перекинуться с Вами словечком. Во время путешествия для корреспонденции не оставалось времени.

Получив Ваше письмо, я несколько изменил предполагаемый маршрут и отправился на юг не по Фастовской дороге, а по Днепру, на пароходе, останавливаясь в тех пунктах, которые не были осмотрены мною прежде, но казались интересными

* И татарских — вписано над строкой.

в археологическом отношении. Я осмотрел окрестности Триполья, Пекарей, Витичева, западное побережье Днепра у порохов (восточное было мне известно ранее), остров Хортицу, окрестности Никополя, Каменки, Большой и Малой Знаменки, Евпатории, Симферополя, Бахчисарая и Севастополя. Из находок в Херсонесе меня особенно заинтересовала плита с греческою надписью, говорящая о войне Митридата Евпатора со Скифами и о подвигах Херсонесского гражданина Диогена, которому народное собрание приговорило поставить монумент. Эта плита и плита, найденная в Ольвии, изданная Графом Уваровым в его исследованиях древностей южной России⁷, по моему мнению, представляют собою самые важные из монументальных находок в южной России, сделанных по настоящее время. Ольвийская и Херсонесская псефизмы реставрируют отношения наших предков к греческим колонистам совершенно ясно. Как согласна Херсонесская псефизма с известиями Страбона о войне Митридата с царем Скилуром и его сыновьями! Но плита говорит более, нежели Страбон. В Херсонесе открыты на себя мое внимание еще то обстоятельство, что фундаменты зданий, открытые раскопками, представляют собою несомненно остатки греческого поселения христианской эпохи. Где же Херсонес Греков языческой эпохи? Где греческое кладбище языческого времени?

Раскопки мои под Седневом увенчались находкою 4 арабских серебряных монет, как кажется, VII и IX столетий, в курганах, по устройству и содержанию совершенно сходных с Черниговскими курганами, покрывавшими кострища. Для точнейшего определения посылаю монеты единственному у нас знатоку восточных монет В. Г. Тизенгаузету. Во всяком случае, время Седневоского кладбища, заключающего в себе более 200 курганов, будет точно определено, а кладбище это несомненно славянское, как несомненно славянские Черниговские курганы.

Результаты Ваших раскопок меня чрезвычайно интересуют. В течение наступающей зимы (вероятно, праздниками Рождества Христова) постараюсь побывать в Петербурге, лично познакомиться с Вами и Вашей коллекцией, а равно с собранием древностей из Полтавской губернии, состоящем в Вашем распоряжении. Чьи это раскопки, не Мазаракис ли?

Предметы греческого искусства варварской эпохи (византийские), открытые мною на берегу Коики, в Александровском уезде, вместе с другими находками и статьею, к ним относящеюся⁸, были пересланы мною в Императорскую Археологическую Комиссию в 1884 году. Не знаю, где они теперь находятся, но по всей вероятности, в Эрмитаже или в коллекциях Комиссии. Предположенным Вами изданием результатов Ваших раскопок и собрания полтавских древностей Вы оказываете большую услугу русской археологии⁹. Третьим прибавлением к изданиям Археологической Комиссии могла бы послужить состоящая в ее распоряжении коллекция древностей из Александровского уезда Екатеринославской губернии.

На днях высылаю Вам мое последнее детище, только что отпечатанное: речь, написанную для годичного акта Варшавского Университета, заключающую в себе обзор исторических сведений об отношениях Киева к Византии со времени основания Константинополя до времени Владимира Святославича Равноапостольного¹⁰.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов.

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 5—6 об. Подлинник.

№ 3

Варшава, 19-е сентября 1886 г.

Глубокоуважаемый Граф Алексей Александрович

На днях я получил Ваше извещение об утверждении меня членом-корреспондентом Императорской Археологической Комиссии. Душевно благодарю Вас и [господина] Министра Двора¹¹ за внимание к моим трудам и постараюсь по мере сил оправдать его дальнейшими работами.

В последнем письме я обещал выслать Вам мою статью об отношениях древней Руси к Византии, написанной мною к годичному акту нашего Университета, на котором было сказано мною только краткое извлечение из сказанной статьи с некоторыми добавлениями. Это извлечение решено было также напечатать в ближайшей книжке «Известий» нашего Университета, а потому я задержал высылку Вам статьи с тем, чтобы выслать ее вместе со словом, сказанным на акте; через неделю это слово будет напечатано.

В настоящее время я приступил к печатанию моего Учебника Истории Русского права¹². Это работа громадная даже в количественном отношении, более 60 печатных листов, и потребует от меня усидчивых занятий около двух лет. Но археологических занятий прерывать не буду, а рядом с печатанием сказанного Учебника мало-помалу буду готовить к печати Дневники моих раскопок¹³ и имеющиеся у меня богатейшие материалы по топографии городищ и курганов, собранные чрез запрос к волостям по составленной мною программе¹⁴. Об издании этих материалов

мне хотелось бы поговорить с Вами лично, что вероятно и удастся мне в течение наступающей зимы, так как праздниками Рождества Христова я предполагаю быть в Петербурге, познакомиться с Вами и лично поблагодарить за внимание к моим трудам на пользу истории и археологии.

Искреннейше уважающий Вас и глубокопреданный

Д. Самоквасов.

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 7—8. Подлинник.

№ 4

Ваше Сиятельство Милостивый Государь Алексей Александрович

На днях я случайно узнал, что Вы просили Попечителя нашего округа¹⁶ выслать в Императорскую Археологическую Комиссию, для снятия рисунков, костяную доску от колчана и парчу от покрывала, найденные в курганах имения Микляшевского, Новомосковского уезда, и хранящиеся в коллекции древностей Варшавского Университета. Резные костяные бляхи от колчана и Фрагменты парчевой шапки хранятся не в Университетской коллекции, а в моей, были выкопаны в 1884 г. дочерью помещика А. М. Микляшевского, Г-жею Карцовой, в его имени Вороной (у днепровских порогов), переданы ею Эварницкому¹⁷ для демонстрации на выставке Одесского съезда археологов, а потом уступлены мне, с вознаграждением с моей стороны расходов Г-жи Карцовой, затраченных на раскопку. К сожалению, сказанные предметы так хрупки, что не могут быть высланы по почте, но в конце декабря доставлю их лично в Императорскую Археологическую Комиссию вместе с предметами, найденными мною за последние два года в курганах Роменского уезда Полтавской губернии¹⁸.

Может быть, Императорской Археологической Комиссии будет интересно знать, что в раскопанных мною курганах под Пятигорском¹⁹ также были найдены узорчатые костяные бляхи от колчана, с вырезанными на них изображениями оленей и зайцев, и фрагменты золотой парчи, сходные с найденными в курганах у днепровских порогов, но лучше сохранившиеся. Если Вам угодно, то и сказанные находки в курганах под Пятигорском я захвачу с собою при отъезде в Петербург.

Глубокоуважающий Вас и неизменно преданный Вашему Сиятельству

Д. Самоквасов.

22-е октября 1889 г.

Варшава, Уяздовская аллея, 33.

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 9—10. Подлинник.

№ 5

Варшава, 28-е марта 1890 г.

Ваше Сиятельство Глубокоуважаемый Граф Алексей Александрович

Простите, что я несколько запоздал ответом на Ваш вопрос о моей хронологической классификации языческих могил южной России. Содержание моего доклада по этому вопросу на VIII съезде археологов напечатано в Московских Ведомостях²⁰ с важными опечатками (вместо Кабани — Кубани, вместо Бересты — Бурвисты и пр.), очень неполно и частью неверно. Если Вы намерены поместить мою классификацию в Вашем капитальном издании, то мне нужно изложить ее лично, с главнейшей аргументацией и библиографическими указаниями. Этому делу я посвящаю наступившие каникулы и вышлю Вам мою хронологическую классификацию могил южной России на Фоминой неделе²¹, не позже. Как я рад, что дело научной обработки курганных материалов Черкасского уезда, так блистательно начатое первым томом Ваших трудов, продолжается, что новые заботы Ваши по делам Академии художеств не отняли Вас у нашей археологии. Да укрепит Бог Вашу энергию и Ваше здоровье для личного счастья и на пользу нашей родины.

Имени и адреса Хайновского, говорившего на VIII съезде археологов об окраске костей в древних курганах²², я не знаю, но познакомился с ним на выставке съезда и слышал объяснения к его древностям, бывшим на выставке, из которых вывел заключение, что Хайновский мало понимает в курганных древностях, а древности большинства выставленных им предметов весьма сомнительны; серебряный же нашейник с человеческими литыми головками на концах, и золотая сережки, будто бы найденные на хорошо мне известной «Княжьей горе» у села Пекарей, то они представляют собою очевидную фальсификацию.

По возвращении со съезда я приступил к окончательному приведению в порядок моих коллекций для предполагаемой передачи, и убедился теперь, что кончить это дело к лету никоим образом невозможно. Для механической работы взял двух помощ-

* Вставка над строкой.

ников, а дело подвигается все-таки медленно; нужно переписать до 300 листов дневника раскопок за двадцать лет; нужно составить каталог и описание более 5000 предметов; нужно переменить более 50 картонок и более 100 таблиц, попорченных отправками на выставки; и пр.²³ Но во всяком случае в течение нынешнего года все мои древности передам в распоряжение Государя; боюсь держать их дома, тем более, что с каждым годом более убеждаюсь, что курганов с содержанием Черной Могилы и Гульбища не будет найдено.

У нас уже настоящая весна: теплота, трава, цветы, деревья стали распускаться; тянется за город; чаще вспоминаются картины летней жизни на курганах...

Глубокоуважающий Вас и неизменно преданный

Д. Самоквасов.

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 11—12 об. Подлинник.

№ 6

Ваше Сиятельство Глубокоуважаемый Граф Алексей Александрович

На днях я выслал Вам извлечение из моей работы, посвященной классификации по времени могил южной половины России²⁴, отличающееся от полного изложения только тем, что в нем опущены: 1. Изложение исторических свидетельств и моих соображений, по которым я принимаю пять исторических периодов, называю их так, а не иначе, и разделяю их принятыми мною столетиями, а не другими; 2. Описанные устройства могил и подобные перечни предметов, найденных с монетами и другими несомненными предметами той или другой исторической эпохи.

Такое извлечение, мне кажется, все-таки ясно показывает, что моя классификация основана не на произволе моем, а на сопоставлении свидетельств классических и средневековых писателей и на широком обобщении археологических фактов, и может послужить руководством в определении времени происхождения почти всех языческих кладбищ, исследованных по настоящее время в южной половине России.

На Московском съезде мой реферат о хронологии могил²⁵ вызвал много разговоров, но не было ни одного возражения против оснований классификации; все разговоры вертелись только вокруг принятых мною названий. Действительно, принятые мною этнографические названия исторических периодов несколько неудобны; но я удерживаю их потому, что всякая другая названия будут еще более неудобны. Предлагаю, например, назвать мои периоды или эпохи по влияниям: периоды греческий, римский, византийский вместо скифский, сарматский, славянский; но такая перемена названий кажется мне бесполезною и не оставляет названий для типов могил Киммерийской эпохи и половецко-татарской. С оговоркою же, что этнографические названия эпох означают в моей классификации исторические периоды могил, а не народности их, принятая мною терминология, как мне кажется, никаких неудобств не представляет. Впрочем, за названия я не стою; сохраняя периоды и их основания, можно заменить названия, если будут найдены более удобные; можно разграничить периоды только хронологически, без названий, сущность дела от того не изменится.

Вместе с этим письмом посылаю официальный ответ на предложение Императорской Археологической Комиссии произвести раскопки Рыжсановских курганов. Хотелось бы мне возможно скорее получить окончательное решение Комиссии по этому делу, чтобы заблаговременно составить проект летних работ и подготовиться к ним, а это зависит от размеров поручения, возлагаемого на меня Комиссией.

Глубокоуважающий Ваше Сиятельство и неизменно преданный слуга

Д. Самоквасов.

21-е апреля 1890 г.

Уяздовская аллея, № 33.

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1681. Л. 13—14 об. Подлинник.

Примечания

¹ Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — историк, основоположник так называемой «норманнской теории» происхождения Киевской Руси.

² Александр Александрович (1845—1894), император Александр III (1881—1894), основатель Исторического музея в Москве.

³ Друцкий-Любецкий Владимир Игнатьевич (1845—1905) — князь, помещик Виленской губернии.

⁴ Тизенгаузен Владимир Густавович (1825—1902), барон, товарищ председателя Императорской Археологической комиссии, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду восточной словесности.

⁵ Д. Я. Самоквасов участвовал в работе VIII археологического съезда в Ярославле 6—20 августа 1887 г., но его реферат не напечатан.

⁶ Бобринский А. А. О раскопке курганов близ местечка Смелы, Черкасского уезда Киевской губернии // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. — М., 1885. — Т. 10. — С. 15—29; Бобринский А. А. О курганах близ местечка Смела Киевской губернии. — Одесса, 1886. — 15 с.

⁷ Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. — СПб., 1851. — С. 60.

⁸ Вероятно, Мазараки Андрей Валерианович, каталог библиотеки которого издан в Варшаве в 1890 г.

⁹ Имеется ввиду реферат Д. Я. Самоквасова, прочитанный им на VI археологическом съезде в Одессе в августе 1884 г. «Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии» (Одесса, 1886. 19 с. Отгиск из «Трудов» VI археологического съезда, т. 1).

¹⁰ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. Дневники пятилетних раскопок. СПб., 1887; Т. 2. Дневники раскопок 1887—1889 гг. — СПб., 1894; Т. 3. Дневники раскопок 1889—1897 гг. СПб., 1901; Бобринский А. А. Выставка древностей, добытых Императорской Археологической комиссией в 1888—1890 гг. — СПб., 1891.

¹¹ Речь профессора Д. Я. Самоквасова на торжественном акте Императорского Варшавского университета 30 августа 1886 г. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам до Владимира Святославича Равноапостольного. — Варшава, 1886 (Отгиск из «Варшавских университетских известий». — 1886. — № 6. — С. 1—10, 1—48).

¹² Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) — граф, министр Императорского Двора (1881—1897), утвердил Д. Я. Самоквасова членом-корреспондентом Императорской Археологической комиссии 22 августа 1886 г.

¹³ Самоквасов Д. Я. История русского права: университетский курс. — Варшава, 1888. — Кн. 1; М., 1896. — Кн. 2; М., 1896. — Кн. 3.

¹⁴ Самоквасов Д. Я. Археологические раскопки в Полтавской губернии. — Полтава, 1888. — 15 с.

¹⁵ Самоквасов Д. Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. — СПб., 1888. — 99 с.

¹⁶ Алухтин Александр Львович (1822—1903) — генерал-майор, директор Константиновского Межевого института, с 1885 г. тайный советник, попечитель Варшавского учебного округа.

¹⁷ Эварницкий Дмитрий Иванович (1855—1940) — историк, собиратель документов по истории Украины, академик АН УССР.

¹⁸ На VIII археологическом съезде, состоявшемся в Москве в январе 1890 г., Д. Я. Самоквасов выступил с сообщением «Устройство и содержание курганов в селе Акситенец Ромненского уезда Полтавской губернии» («Московские ведомости». — 1890. — № 23. — 23 января. — С. 4).

¹⁹ Самоквасов Д. Я. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ в 1881 г.) // Варшавские университетские известия. — Варшава, 1882. — 31 с.

²⁰ См.: VIII Археологический съезд // «Московские ведомости», 1890, № 14, 14 января, с. 4 (информация о сообщении Д. Я. Самоквасова «Хронология могильных находок в южной и центральной России»).

²¹ Следующая после Пасхальной неделя апостола Фомы.

²² Хайновский Иосиф Адамович (Киев) выступил 23 января 1890 г. с сообщением «Исследования кургана Саур в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии» (см.: Занятия Восьмого Археологического съезда. — М., 1890. — С. 189, 190).

²³ Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской России, описание и каталог коллекции древностей коллекции Д. Я. Самоквасова. — Варшава, 1892. — 101 с. См. также: Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. — М., 1908; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М., 1908; Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. — М., 1916.

²⁴ Самоквасов Д. Я. Хронологическая классификация могил южной России // Варшавские университетские известия. — Варшава, 1890. — № 5. — 33 с.

²⁵ Самоквасов Д. Я. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды VIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. — М., 1897. — Т. 3. — С. 31—43; Самоквасов Д. Я. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в могилах южной и центральной России // Труды VIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. — М., 1897. — Т. 3. — С. 44—54. Д. Я. Самоквасов обосновал классификацию по пяти периодам: I — «Киммерийская эпоха» до VI в. пред Рождеством Христовым; II — «Скифская эпоха» с VI по I в. до Р. Х.; III — «Сарматская эпоха» с I по V в. Р. Х.; IV — «Славянская эпоха» с VI по XI в. по Р. Х.; V — «Половецко-татарская эпоха» с XII по XVII в.